

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29
УДК 339.9(045)
JEL F33, F37

Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход

А.В. Навой

Банк России, Москва, Россия;
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. Разнообразие международных финансовых институтов (МФИ), осуществляющих регулирование международных валютно-кредитных и финансовых отношений (МВКФО), ставит вопрос об оценке эффективности их деятельности и степени влияния на финансовую стабильность на глобальном финансовом рынке. **Цели.** На основе категоризации МФИ и системного подхода к оценке степени их взаимного влияния на систему МВКФО и систему мировой экономики разработать критерии оценки эффективности МФИ с точки зрения достижения ими уставных целей и обеспечения финансовой стабильности. **Методология.** Использовались диалектические методы, метод системного анализа, метод анализа и синтеза, дидактический метод. **Результаты.** МФИ разделены на 3 группы по таксономии влияния на обеспечение финансовой стабильности, в рамках системного подхода проанализированы прямые и обратные каналы влияния МФИ 3-х групп друг на друга и на систему МВКФО и мировой экономики, а также экономики в целом. Обоснованы критерии оценки эффективности МФИ, включающие: оценку степени влияния МФИ на композицию экономических отношений в мировой валютно-финансовой системе (МВФС); соотношение международной компетенции института в регулировании МВФС с наличием необходимых полномочий и финансовых ресурсов для решения поставленных задач; простоту и необремененность процедуры выделения необходимых ресурсов для купирования финансовых шоков в МВФС и решения краткосрочных проблем с платежным балансом. **Выводы.** По обоснованным критериям эффективности фиксируется растущее значение МФИ 2-го и 3-го типа при определенной деградации «классических» МФИ 1-го типа и сегментации регуляторных контуров МФИ до уровня региональных объединений и профессиональных сообществ. **Ключевые слова:** международные финансовые институты; МВФ; ООН; региональные финансовые механизмы; антикризисное регулирование; трансграничное движение капитала; международный кредит

Для цитирования: Навой А.В. Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход. *Мир новой экономики.* 2023;17(4):16-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29

Towards the Efficiency of Modern International Financial Institutions: Systemic Methodological Approach

A.V. Navoy

Bank of Russia, Moscow, Russia;
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. The variety of international financial institutions (IFIs) that regulate international monetary, credit and financial relations (IMCFR) raises the question of assessing the effectiveness of their activities and the degree of influence on financial stability in the global financial market. **Objectives.** Based on the categorization of MFIs and a systematic approach to assessing the degree of their mutual influence on the IMCFO system and the global economic system, develop criteria for assessing the effectiveness of MFIs in terms of achieving their statutory goals and ensuring financial stability. **Methods.** Dialectical methods, the method of system analysis, the method of analysis and synthesis, and the didactic method were used. **Results.** MFIs are divided into 3 groups according to the taxonomy of influence on ensuring financial stability; within the framework of a systems approach, direct and reverse channels of influence of MFIs of

3 groups on each other and on the IMCFO system and the world economy, the economy as a whole, are analyzed. The criteria for assessing the effectiveness of IFIs are substantiated, including: assessing the degree of influence of IFIs on the composition of economic relations in the IMF; the relationship between the international competence of the institution in regulating the International Monetary Fund and the availability of the necessary powers and financial resources to solve the assigned tasks; simplicity and ease of procedure for allocating the necessary resources to mitigate financial shocks in the IMF and solve short-term problems with the balance of payments. **Conclusions.** Based on reasonable efficiency criteria, the growing importance of type 2 and type 3 MFIs is recorded, with a certain degradation of “classical” type 1 MFIs and segmentation of regulatory contours to the level of regional associations and professional communities. **Keywords:** international financial institutions; IMF; UN; regional financial mechanisms; anti-crisis regulation; cross-border capital movement; international credit

For citation: Navoy A.V. Towards the efficiency of modern international financial institutions: Systemic methodological approach. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):16-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29

ВВЕДЕНИЕ

Единое понятие МФИ в теории МФКФО отсутствует. В российском нормативном поле близким к нему являются определения «международная финансовая организация»¹, «международная валютно-финансовая организация»², а также «международные организации развития».

Под МФИ в данном исследовании мы будем понимать систему международных институтов, наделенных широкой международной компетенцией как в силу их отношений с ООН, так и в связи с волеизъявлением отдельных групп государств, стремящихся к достижению финансовой стабильности посредством воздействия на контуры МВФС. Объектом регулирования МФИ, по нашему мнению, является такое состояние глобального финансового рынка, которое обеспечивает финансовую стабильность и минимизацию глобальных финансовых рисков. Механизм регулирования МФИ подразумевает выработку унифицированных правил поведения участников рынка, включая ответственность за их несоблюдение, а также использование антикризисных инструментов для купирования кризисов в тех сегментах финансового рынка, которые им подвержены.

Под эффективностью деятельности МФИ в общем контексте мы подразумеваем степень достижения ими результатов в рамках международной компетенции — т.е. степень влияния на определенную категорию МФКФО в целях обеспечения финансовой стабильности. Причем понятие эффективности МФИ неотделимо от минимальных

экономических издержек, связанных с достижением поставленных целей.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ МФИ

Разнообразие действующих МФИ требует их категоризации, где в качестве критерия предлагается опираться на степень их влияния на композицию МВФС.

К первой группе МФИ следует отнести специализированные институты, созданные в рамках статьи 57 Устава ООН³: Международный валютный фонд (МВФ) и Группу Всемирного банка (ГВБ).

Деятельность МВФ, в отличие от других форм МФИ, зиждется на подчиненности нормам международного права. Это предопределяет, с одной стороны, жесткость требований к исполнению странами-членами Статей Соглашения МВФ, к которому Российская Федерация присоединилась в 1992 г.⁴, а с другой — обеспечивает взвешенный подход к учету мнения отдельных государств в рамках прозрачных, нормативно закрепленных процедур принятия решений.

МВФ имеет статус международной межправительственной финансовой организации [1], созданной на основе статьи 57 Устава ООН, и является одним из специализированных учреждений ООН, выполняющих функции по регулированию отношений в сфере международных публичных финансов. Правовой основой деятельности МВФ выступают Статьи Соглашения МВФ, определяющие цели, принципы, компетенцию, структуру

¹ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18296>

³ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charter_of_the_United_Nations

⁴ Постановление ВС РФ от 22.05.1992 № 2815-1 «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-22051992-n-2815-1/>

и основные направления работы Фонда. Главные задачи Фонда — обеспечение международного валютно-финансового сотрудничества и помощь в осуществлении надзора за финансовой политикой государств в целях предотвращения диспропорций их платежных балансов⁵.

МВФ консультируется с ООН по техническим вопросам и отчитывается перед ним о своей деятельности (статья 63).

Некоторые правоведы [2–4] отмечают уникальный статус МВФ как наднационального, властно ориентированного института, отличного от межправительственных организаций координационного типа. Полномочия Фонда предполагают возможность вмешиваться в денежный суверенитет государств-членов, а также устанавливать нормы-принципы, обязательные для имплементации в валютно-финансовой политике. В частности, МВФ устанавливает «кодекс надлежащего валютно-финансового поведения государств-членов», в рамках которого они обязаны придерживаться международного режима обменных курсов, который находился под контролем МВФ (статья IV). Дополнительные полномочия МВФ распространяются на осуществление строгого контроля за политикой государств-членов в области валютных курсов (раздел 3 статьи IV). В частности, каждое из них берет на себя обязательство предоставлять Фонду всю необходимую для надзора информацию в настолько подробной и точной форме, «насколько это представляется практически осуществимым» (раздел 5 статьи 8).

МВФ может применять санкции к государствам-членам, которые не исполняют свои обязательства перед Фондом. Это, согласно разделу 2 Статьи XXVI: приостановка прав и привилегий, вытекающих из членства в МВФ, прекращение кредитования, лишение права голоса в органах управления, лишение права на представительство в органах управления МВФ, лишение права на получение помощи, приостановка членства в МВФ на срок до одного года, исключение из организации, исключение из международного общения по некоторым вопросам сотрудничества.

Таким образом, отличительной особенностью первой группы МФИ является зависимость от волеизъявления всех стран мирового сообщества и преимущественно регуляторный характер компетенций.

Ко второй группе МФИ относятся организации регуляторного типа, нацеленные на то, чтобы оказывать влияние на МВФС посредством норм «мягкого права» — юридически необязательных принципов поведения. «Мягкое право» призвано сформировать определенную модель поведения участников рынка в целях недопущения концентрации избыточных рисков на глобальном финансовом пространстве. К группе МФИ данного типа следует отнести Банк международных расчетов (БМР), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Совет по финансовой стабильности (СФС), а также международные саморегулируемые организации [Международная организация комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ), Совет по международным стандартам бухучета (СМСБУ) и др.]. Отличительная особенность данной группы — отсутствие выраженной международной компетенции и представление интересов узкой группы стран.

«Группа 20» занимает центральное место в контуре регулирования МФИ 2-го типа. Решения «Группы 20» (форума) опираются на экономическое и политическое доминирование стран — участниц форума (на долю «двадцатки» приходится около 90% мирового ВВП, 80% мировой торговли и 64% населения), а также наличие большинства голосов, принадлежащих государствам — участникам «двадцатки» в МФИ 1-го типа. Основными документами «Группы 20» являются итоговые заявления и протоколы заседаний, отражающие решения форума по наиболее острым глобальным финансовым проблемам. Они подписываются представителями высших органов исполнительной власти государств-участников — президентами и руководителями правительств, что де-факто гарантирует их будущую имплементацию на уровне национального законодательства.

Отличительная черта «мягкого» регулирования в рамках «Группы 20» — расплывчатые формулировки: итоговые коммюнике, как правило, носят декларативный характер, отражающий консенсус в принятии решений на форуме. Неопределенность формулировок итоговых документов позволяет международным финансовым институтам (МВФ, ГВБ, БМР, ОЭСР, СФС) достаточно вольно их интерпретировать и в последующем закреплять в собственных документах (кодексах, руководствах, методиках), уже опираясь на экономические интересы наиболее влиятельных стран — участниц этих организаций.

Впоследствии в рамках формальных обязательств стран-участниц перед МФИ 1-го типа

⁵ Статьи Соглашения Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf>

(проведение технических консультаций, проверок и др.) и через систему скрытых рычагов воздействия («дружеские проверки», «публичные порицания», ухудшение условий привлечения капитала) акты «мягкого права», изданные МФИ, интегрируются в национальное законодательство государств — членов форума.

Координацию деятельности МФИ 2-го типа и их связь с МФИ 1-го типа осуществляет СФС посредством кодификации стандартов поведения участников различных сегментов финансового рынка. В уставе СФС закреплён перечень наиболее значимых финансовых регуляторов — «организаций, устанавливающих стандарты» (standards-setters). В него входят: Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), Комитет по платёжным и расчётным системам Банка международных расчётов (КПРС), Комитет по глобальной финансовой системе (КГФС), СМСБУ, Международная ассоциация страховых надзоров, а также МОКЦБ⁶. Стандарты, созданные указанными организациями, выступают основными элементами системы «мягкоправового» международного финансового регулирования [5].

В настоящее время поддерживаются и обновляются на регулярной основе около 70 стандартов, из которых 17 признаны СФС в качестве ключевых для глобальной финансовой стабильности и сведены в Компендиум стандартов в 12 сферах международных финансовых отношений⁷.

Роль контролеров принадлежит МФИ 1-го типа. В частности, МВФ применяет «Инициативу в отношении соблюдения стандартов и кодексов»⁸, в рамках которой оценивается прогресс государств-участников в том, что касается выполнения стандартов финансового регулирования.

Третья группа МФИ представлена широким кругом институтов развития, в том числе региональных, а также специализированными институтами — стабилизационными фондами и региональными финансовыми механизмами (РФМ). Деятельность данных организаций нацелена на решение задач развития инфраструктуры финансового рынка, а также на купирование угроз для финансовой стабильности на национальном и региональном уровнях.

Институты развития — это специальные фонды, финансовые программы, агентства и пр. В зарубежной доктрине под этим подразумеваются специализированные финансовые институты, обеспечивающие долгосрочное финансирование проектов, создающих значительные позитивные внешние эффекты (экономические и социальные); при этом они не могут быть полностью профинансированы частным инвестором [6]. Е.С. Сазонова международные финансовые институты развития определяет как инвестиционно-кредитные институты, основным направлением деятельности которых является некоммерческое кредитование инвестиционных проектов в приоритетных отраслях экономики, с преимущественным участием государственного капитала [7]. Частной формой института развития является банк развития — межгосударственная организация, капитал которой сформирован государствами-участниками на многосторонней основе [8]. В данной группе к институтам развития относятся: Азиатский банк реконструкции и развития (АзБРР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Европейский банк реконструкции (ЕБРР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Новый банк развития БРИКС и др.

Данные институты обладают и распоряжаются значительными финансовыми ресурсами, но решают преимущественно узкий круг экономических проблем регионального масштаба и не наделены регуляторными компетенциями.

К институтам развития тесно примыкают РФМ, под которыми мы понимаем организованные формы накопления капитала в целях противодействия негативным последствиям кризиса на финансовых рынках, а также — финансирования программ долгосрочного развития региона. РФМ, как правило, представлены региональными фондами, наполняемыми за счёт отчислений пропорционально размерам экономик стран-участниц. Основные взносы делают крупнейшие государства региона с наибольшим ВВП и населением. За счёт сформированных ресурсов РФМ предоставляют странам, подвергшимся кризису, кредитные ресурсы на заранее определенных условиях [9]. К РФМ мы относим Пул валютных резервов БРИКС (ПВР БРИКС), Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ), Многостороннюю инициативу Чиапг-Май (МИЧМ), Североамериканское рамочное соглашение (СРС) и др.

Общая схема взаимодействия МФИ 3-х типов представлена на *рис. 1*.

⁶ URL: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_120809.pdf

⁷ URL: http://www.financialstabilityboard.org/cos/key_standards.htm

⁸ URL: <https://www.imf.org/external/standards/index.htm>

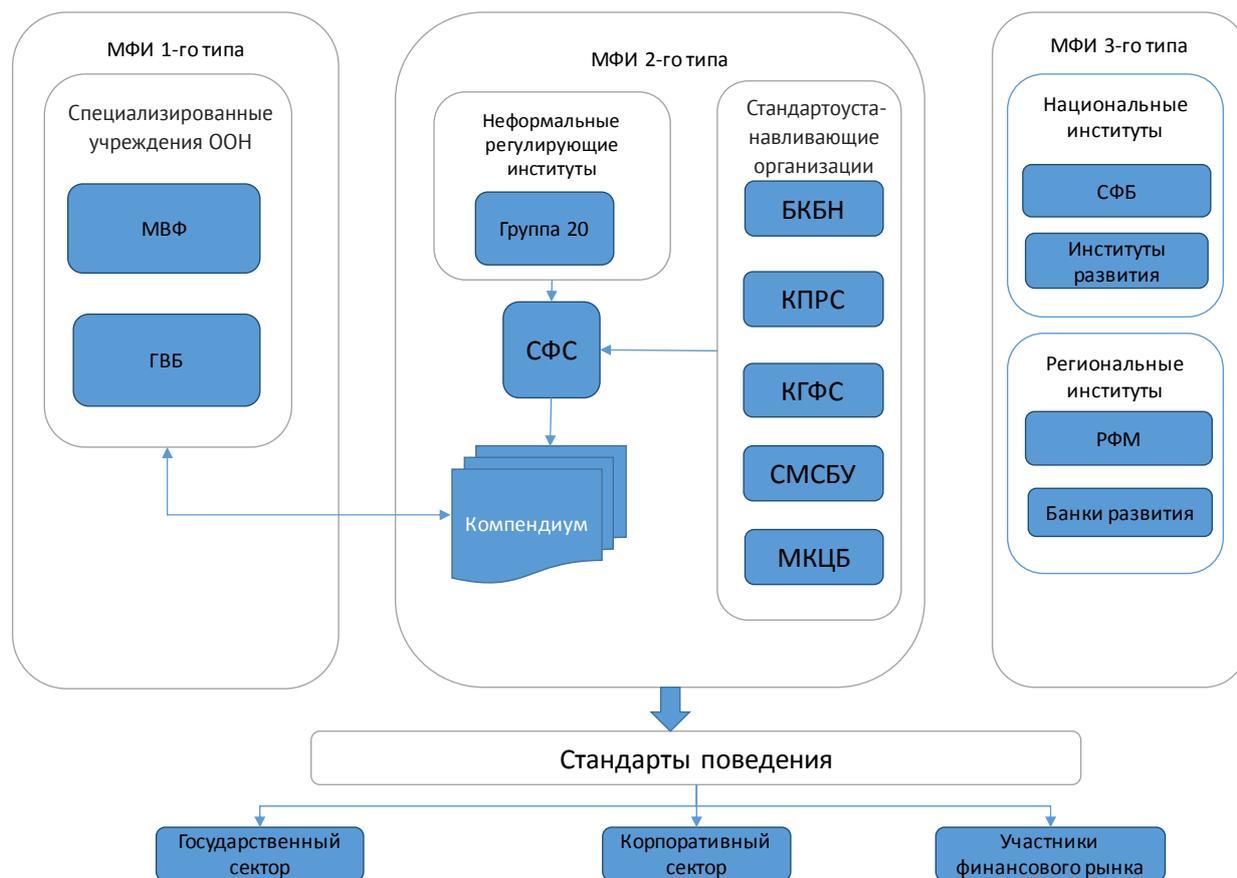

Рис. 1 / Fig. 1. Схема взаимодействия 3-х типов МФИ / Scheme of interaction of 3 types of MFIs

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МФИ

Комплексный многомерный характер воздействия институтов МФИ на МВФС

Мы рассматриваем функционирование МВФС как среды реализации экономических отношений, опосредующих трансграничное движение капитала. При этом МФИ выступают ядром системы или органом управления МВФС и определяют модель поведения ее участников (рис. 2). В частности, МФИ второй группы стимулируют участников рынка и регуляторов придерживаться определенной модели поведения, в частности: не принимать избыточных рисков, формировать достаточный объем капитала и резервов (Базельские стандарты БМР), раскрывать информацию (стандарты МСФО, аудита), обеспечивать непрерывность расчетов и устойчивость платежной инфраструктуры (КПРС, МОКЦБ). Кроме того, МФИ структурируют среду МВФС, задавая стандарты типовых договоров на рынке заемного ка-

питала, производных финансовых инструментов (ISDA, ISMA).

Прямое влияние надстроечных МФИ на МВФС дополняется появлением новых форм денег (цифровых валют центральных банков) и активов (цифровых), усилением позиций формирующихся рынков в глобальном ландшафте, закреплением новых способов передачи финансовой информации на основе технологии распределенного реестра (блокчейн). Эти новации требуют адекватного отклика надстроечных институтов, который выражается в пересмотре имеющихся стандартов поведения участников рынка и в предании новых компетенций действующим МФИ. В последнее десятилетие важнейшим вызовом для МФИ является усиление позиций развивающихся стран и повышение роли их валют на международном рынке.

Взаимосвязь и взаимное проникновение МФИ и их опора на экономический базис

МФИ достаточно тесно интегрированы между собой. В частности, МФИ первой группы тесно

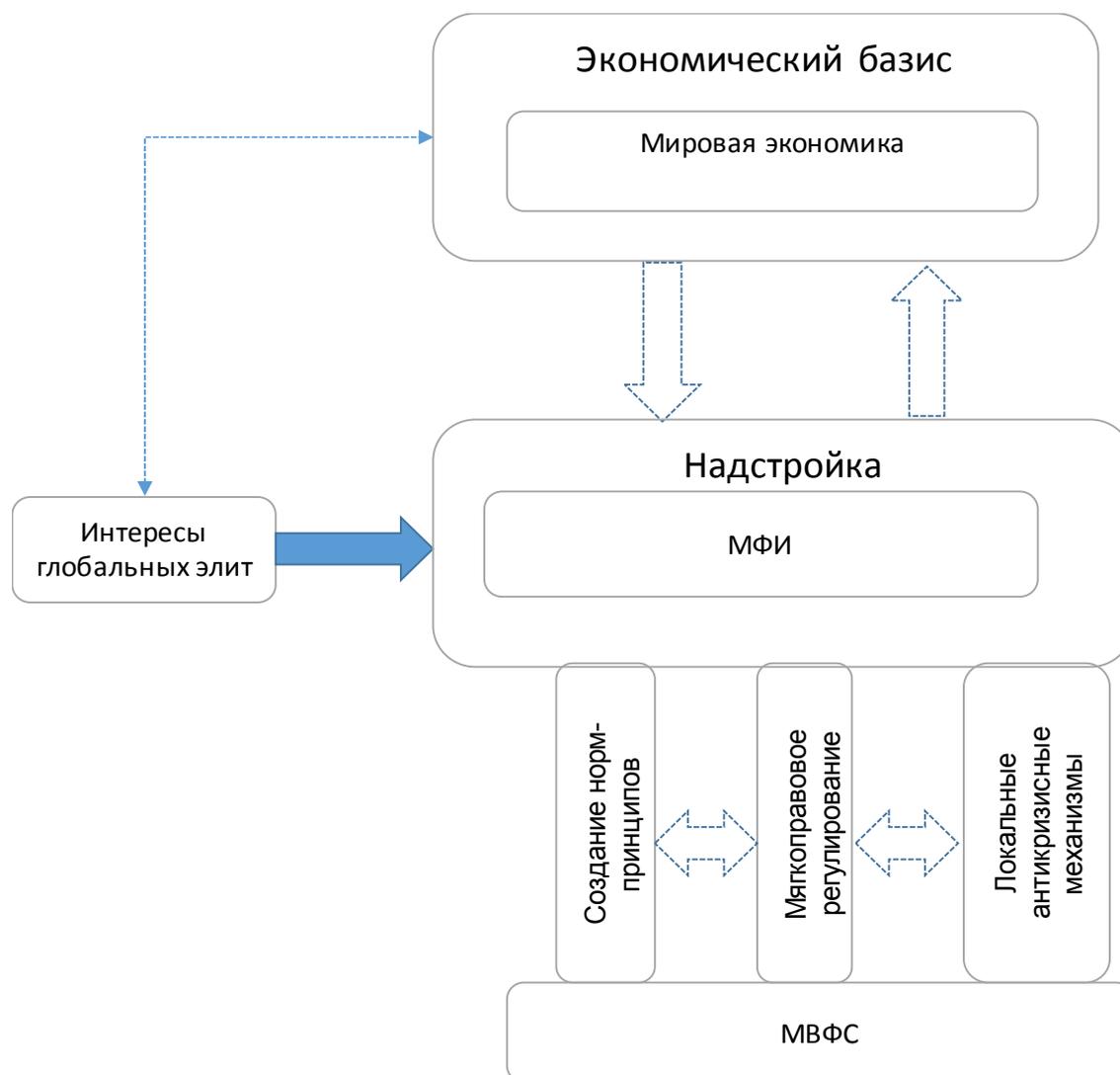

Рис. 2 / Fig. 2. Схема принципов системного подхода к оценке эффективности МФИ /
Scheme of principles of a systematic approach to assessing the effectiveness of the MFIs

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

связаны с «G-20» и вовлечены в имплементацию решений форума. Решения СФС в области формирования стандартов поведения участников финансового рынка интегрированы с надзорными компетенциями МВФ, а компендиум СФС включает основные стандарты, разрабатываемые «стандартообразующими» МФИ: БКБН, КПРС, МОКЦБ и др. Наконец, в деятельности МФИ отчетливо проявляются интересы глобальной элиты — развитых стран. Последние обладают большинством голосов в МВФ, группе Всемирного банка. Представители «G-10» — учредители, принимающие решения в Базельском процессе (БКБН, КПРС и БМР). Развитым странам принадлежат руководящие позиции в ОЭСР. Кроме того, представите-

ли развитых стран — основные участники «стандартообразующих» МФИ.

Интересы развитых стран проявляются в блокировании МФИ инициатив по оздоровлению МВФС и купировании глобальных дисбалансов, растущей нестабильности и фрагментации финансовых отношений МВФС и ее подверженности кризисам. Неразрешенной остается проблема неконтролируемого наращивания внешнего долга крупнейшими развитыми странами (прежде всего США), а также — длительной неуравновешенности платежных дисбалансов США, Великобритании и др.

Вместе с тем взаимодействие МФИ с экономическим базисом строится на основе диалектического единства и борьбы противоположностей, которое

проявляется в частичном учете интересов развивающихся стран как в традиционных институтах, так и в появлении ряда новых МФИ, отвечающих интересам формирующихся рынков. Например, в ответ на повышение веса развивающихся стран в глобальной экономике перераспределены квоты МВФ, проведена реформа органов управления Фонда; неформальный клуб принятия важнейших экономических решений на глобальном рынке («Группа 7») расширен до «Группы 20».

Позиции развивающихся стран усилены в БМР, ОЭСР и СФС, однако они все еще существенно уступают развитым странам. Новым вектором расширения их влияния является создание новых, независимых от институтов первого типа МФИ, оказывающих влияние на устойчивость МВФС — региональных институтов развития, суверенных фондов благосостояния (СФБ) и РФМ. Задачи данных МФИ состоят, в том числе, в компенсации провалов регулирования МВФС со стороны «классических» МФИ.

Влияние надстроечных МФИ на МВФС

В рамках системного подхода к оценке эффективности МФИ исследуется действенность их регулирующего воздействия на экономические отношения внутри МВФС. На сегодняшний день сформировано три взаимопроникающих контура — так называемое «мягкоправовое» регулирование; нормативное регулирование через систему МФИ первого типа; национальные и региональные механизмы регулирования, нацеленные на купирование угроз для финансовой стабильности на локальных финансовых рынках.

Первый контур — воздействие на МВФС посредством создания норм-принципов со стороны МФИ первого типа, действующих под эгидой ООН. Он предполагает «классические» принципы принятия решений (на основе голосования), регламентированную процедуру оформления регуляторного воздействия на МВФС (официальные методологические документы, руководства, принципы и т.д.), механизм контроля за имплементацией решений (надзор, технические миссии, взаимные проверки) и механизм санкций за невыполнение норм (снижение размера кредитования, порицание, исключение из Фонда и др.). В основе первого контура регулирования лежит коллективное волеизъявление всех стран мирового сообщества на основе мандата ООН, который предоставил МФИ особые полномочия в целевой области регулирования — системе международных валютных отношений.

Второй контур — «мягкоправовое» регулирование базируется на создании юридически необязательных принципов поведения для профессиональных участников рынка, выраженных в кодексах, рекомендациях и иных формах закрепления обычаев делового оборота (МОКЦБ, КППС, БКБН и др.). В основе процедур принятия решений в этом контуре лежит аккумуляция традиций функционирования того или иного сегмента финансового рынка, обобщение лучших практик в стандарты поведения участника рынка, продвижение сформированных стандартов среди всех участников рынка посредством специфических стимулирующих механизмов (неформального давления), а также применение санкций в отношении членов «стандартообразующих» организаций, не соблюдающих выработанные ими нормы поведения.

Третий контур регулирования МВФС представлен национальными и региональными механизмами, направленными на купирование угроз для финансовой стабильности, а также на мобилизацию ресурсов развития. Отличительными чертами данного контура выступают узконаправленность принятых управленческих решений, имеющих действие внутри региона или определенной группы стран. Специфика принятия решений в третьем контуре предусматривает голосование с учетом веса каждой страны — участника регионального финансового механизма на основе заранее закрепленной в учредительных документах процедуры; четкую регламентацию процесса идентификации проблем финансовой стабильности, требующих вовлечения региональных МФИ; специальный механизм аккумуляции ресурсов и их распределения на основе коллегиальных решений.

Особая сфера функционирования трех регуляторных контуров — контроль за имплементацией принятых решений. Все три контура регуляторного воздействия на МВФС оказывают прямое и обратное воздействие друг на друга. Так, неотъемлемым элементом первого контура регуляторного воздействия выступает вовлечение нормотворческих полномочий МФИ 1-го типа в имплементацию решений МФИ 2-го типа. В частности, МВФ и ГВБ являются участниками саммитов «Группы 20», исполнителями надзорных процедур программы оценки финансового сектора (Financial sector assessment program, FSAP, ПОФС), в ходе которых анализируется степень прогресса во внедрении стандартов СФС. Наконец, МВФ активно вторгается в третий контур регулирования, регламентируя функционирова-

ние национальных СФБ и активно взаимодействуя с РФМ как с элементом глобальных страховочных сетей. С другой стороны, регуляторная повестка, разрабатываемая МВФ, принимается во внимание институтами «мягкого права» в рамках принятия решений на уровне второго контура регулирования, а сам Фонд учитывает практику регулирования, складывающуюся на уровне региональных финансовых институтов (РФМ и СФБ).

Взаимное влияние надстройки и МВФС с другими системами, в частности, взаимодействие с более общей системой мировой экономики

С одной стороны, расстановка сил в мировой экономике создает общий базис для детерминации отношений в МВФС и в надстроечных МФИ. Так, увеличение доли развивающихся стран в мировой экономике и в международной торговле отразилось в активизации трансграничных финансовых потоков, генерируемых формирующимися рынками, а также в повышении доли развивающихся стран в органах управления МФИ первого типа. Тем не менее процесс учета интересов формирующихся рынков в управленческих структурах МФИ первого и второго типов носит нелинейный характер: экспоненциальный рост макропараметров развивающихся стран (в частности, их доминирование в создании мирового ВВП, в доле населения земного шара) сопровождается относительно «скромным» увеличением участия этих стран в процессе глобального финансового регулирования. Так, в результате нескольких пересмотров квот МВФ доля развивающихся стран возросла лишь на 15 процентных пунктов и составляет в настоящее время около 27%. В БМР на долю развивающихся стран приходится лишь 7% голосов.

С другой стороны, институты МФИ, формирующие надстройку МВФС, активно воздействуют на развитие системы мировой экономики, причем такое влияние, отражая в основном интересы развитых стран, носит неоднозначный характер. Так, доминирование развитых стран в системе регулирования МВФС приводит к «пробуксовыванию» регуляторных мер, направленных на купирование глобальных дисбалансов, что, в свою очередь, сдерживает развитие мировой экономики.

Например, в мировой практике доказано, что недоучет национальной специфики в глобальных подходах к банковскому регулированию и к требованиям к размеру капитала и антикризисным

надбавкам (буферу капитала) коммерческих банков («Базель III» и «Базель IV») сдерживает кредитование национальной промышленности развивающихся стран. Нерелевантные требования МВФ к странам-заемщикам, содержащиеся в программах стабилизации экономики, приводят к торможению экономического роста и «экономическому закабалению» формирующихся рынков. Наконец, требования, выдвигаемые МВФ к размеру и композиции международных резервов, порождают «связывание» чистых национальных сбережений развивающихся стран в резервных валютах и в финансовых инструментах развитых экономик.

Данные тенденции создают острое противоречие между нарастающим доминированием формирующихся рынков в глобальном производстве и международной торговле и их зависимым положением на глобальном финансовом рынке, а также в органах управления МФИ. Данные противоречия частично разрешаются при создании региональных МФИ 3-го типа.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МФИ

Перейдем к выработке методологии оценки эффективности МФИ с точки зрения обеспечения финансовой стабильности на основе представленных принципов системного подхода.

Первым элементом методологии, по нашему мнению, выступает оценка степени влияния МФИ на композицию экономических отношений в МВФС. Очевидно, что МФИ различных типов имеют разный вес при принятии регуляторных решений на глобальном финансовом рынке, а их инициативы по-разному имплементируются участниками рынка. Наиболее влиятельными являются институты 1-го типа в силу наличия у них международной правовой компетенции и возможности применять санкции за неисполнение правил поведения. Например, МВФ из-за широкой интерпретации своего мандата вмешивается не только в проведение валютной политики странами-членами и воздействует на систему государственного управления государственных участников, но и оказывает влияние на принятие решений финансовыми посредниками и предприятиями реального сектора экономики. Фонд требует четко разграничить сектор государственного управления и частный сектор экономики, исключив государственный контроль за частными институтами. Очерчивается и круг функций, которые должны быть закреплены за государственным сектором.

В то же время влияние на композицию отношений в МВФС МФИ 2-го типа, осуществляющих выработку и имплементацию стандартов поведения участников рынка на основе «мягкоправовых» принципов регулирования, ограничено. Слабостью структуры данного контура, помимо отсутствия демократизма и непрозрачности процедуры выработки решений, по нашему мнению, выступает неразвитость института контроля за исполнением принятых решений и отсутствие полноценного международного бюрократического аппарата, который на регулярной основе координировал бы усилия МФИ 2-го типа и национальных регуляторов. Реальное регуляторное давление такие институты способны оказать лишь на страны-участницы. Созданный для преодоления данного пробела СФС пока лишь нащупывает рычаги воздействия на участников МВФС.

Возрастающее влияние на регулирование МВФС оказывают МФИ 3-го типа. Несмотря на то что их деятельность сосредоточена на относительно узком сегменте целей — участии в организации региональных страховых сетей и финансировании проектов развития, они занимают все более значимое место в контуре регулирования МФКФО, в том числе, в направлении построения полицентричной глобальной финансовой системы.

Повышение значимости МФИ 3-го типа обусловлено рядом факторов. В их числе — недостаточная емкость антикризисных инструментов традиционных МФИ 1-го типа, значимые экономические и политические издержки привлечения кредитных ресурсов от них; потребность в переориентации на формирование антикризисных пакетов за счет финансовых ресурсов региона; снижение зависимости от развитых стран, участвующих в формировании антикризисной помощи в рамках традиционных МФИ [10].

В отличие от регуляторных компетенций МФИ 1-й группы, прямо закрепленных в международных нормативных актах, степень влияния МФИ 3-го типа на композицию экономических отношений имеет косвенный характер и реализуется в выделении данными институтами финансовых ресурсов странам-заемщикам под определенные условия.

Весьма значительным регуляторным потенциалом обладают и региональные институты развития. Несмотря на то что данные МФИ не ставят своей целью регулирование отношений в МВФС, де-факто оно осуществляется. Например, институты развития азиатского региона — АзБРР, АБИИ, Новый банк

развития БРИКС — способны оказывать влияние на страны-заемщики через создание преференций в отношении инвестиционных проектов, которые в наибольшей степени отражают интересы крупнейших учредителей данных МФИ, прежде всего Китая. Такое влияние может реализовываться, в частности, в увязке допуска китайских компаний на новые рынки сбыта с получением крупных кредитов от институтов развития или ослабления норм валютного регулирования и валютного контроля в стране-заемщике в отношении приобретения Китаем крупных пакетов акций национальных компаний.

Дальнейшее распространение деятельности МФИ 3-го типа с регионального уровня на другие страны (например, в случае инициативы «Один пояс — один путь») существенно снижает потребность в антикризисном инструментарии МВФ. Логично, что дальнейшая экспансия МФИ 3-го типа ослабит и надзорно-регуляторные амбиции МВФ, поскольку они не будут опираться на контроль за использованием предоставленных Фондом кредитных ресурсов. Одновременно МФИ 3-го типа, обладающие реальными финансовыми ресурсами для поддержания региональной финансовой стабильности, смогут оказать более значимое воздействие на поведение участников рынка и на разрешение проблем глобальной финансовой стабильности, ранее всецело находящихся в компетенции Фонда.

В качестве *второго элемента* методологии оценки эффективности деятельности МФИ мы рассматриваем соотношение международной компетенции института в регулировании МВФС с наличием необходимых полномочий и финансовых ресурсов для решения поставленных перед ним задач.

У МФИ 1-го типа этот баланс смещен в пользу международной компетенции. Так, у МВФ и ГВБ она выражена наиболее четко и закреплена в том числе в международных нормативно-правовых актах ООН. Кроме того, у МФИ 1-го типа присутствуют практически все атрибуты экономической власти, необходимые для реализации регуляторных полномочий, включая переданную им часть национального суверенитета отдельных государств в денежной и валютной сферах.

Вместе с тем ресурсов, необходимых для решения возложенных на МФИ 1-го типа задач, недостаточно. В частности, проблемой является дискретность процесса их привлечения и относительно незначительные объемы, а также длительность процедуры пересмотра квот, требующей международного правового оформления и ратификации страна-

ми-членами. Предпринятые МВФ нестандартные меры — программы заимствований на двусторонней и многосторонней основе — не изменили ситуации: сформированные Фондом ресурсы несопоставимы с масштабами финансовых угроз и объемами обращающихся на глобальном финансовом рынке инструментов [11]. Так, в результате увеличения квот 54 стран — членов Фонда в 2011 и в 2015 гг. — ресурсы МВФ выросли до 395,0 млрд СДР, а объем дополнительно привлеченных судных ресурсов достиг 497,9 млрд СДР⁹. При этом даже расширенный совокупный объем привлеченных МВФ ресурсов несопоставим с емкостью финансовых инструментов, обращающихся на глобальном финансовом рынке — около 800 трлн долл. США¹⁰, и совокупным дефицитом счета текущих операций стран — членов МВФ, приближающимся к 300 трлн долл. США¹¹. Более того, большая часть ресурсов МВФ уже отвлечена в кредиты, предоставленные нуждающимся странам, что позволяет некоторым исследователям сравнивать МВФ с банком плохих долгов [12].

У ГВБ — не менее проблемная ситуация с наличием необходимых ресурсов для решения возложенных задач. Привлеченные средства банка, несмотря на доступ к финансовым рынкам, несопоставимы с потребностями для решения даже самых острых и насущных проблем развития, например, борьбы с голодом, эпидемиями и др.

У МФИ 2-го типа соотношение международной компетенции, полномочий и ресурсов более сбалансированное. Не будучи наделенными на международном уровне регуляторными компетенциями, данные организации сосредоточены на решении узкопрофессиональных задач, которые, хотя и имеют важное значение для обеспечения финансовой стабильности, не требуют привлечения механизма международных санкций и дополнительного финансирования. Компетенции данного типа институтов реализуются в основном на уровне обсуждений в профессиональном сообществе и выработки итоговых рекомендаций в форме стандартов поведения участников рынка, не имеющих обязательного статуса.

Соотношение международных компетенций, полномочий и финансовых ресурсов у МФИ 3-го

типа носит асимметричный характер: доминируют полномочия и ресурсы при несформированной международной компетенции. Как правило, полномочия РФМ и СФБ четко закреплены в региональных и национальных нормативно-правовых актах и сводятся к фондированию региональных страховочных сетей — механизмов предоставления ликвидности для купирования шоков на региональном финансовом рынке, а также к предоставлению ресурсов развития. При этом, в отличие от МФИ 1-го типа, ресурсы МФИ 3-го типа могут предоставляться для более широкого спектра целей, включая займы для участников для поддержания платежного баланса или другие потребности в финансировании (например, в СВР и МИЧМ), покупку облигаций, займы для рекапитализации банковских систем (например, ЕСМ), превентивное страхование (например, ПВР БРИКС, МИЧМ и ЕСМ).

В распоряжении РФМ находится около 1,5 трлн долл. США, еще около 10 трлн долл. США — под управлением СФБ, т.е. их ресурсы кратно превышают те, что аккумулируются МВФ. Однако мобилизуемые для антикризисного финансирования ресурсы оказываются почти незадействованными. Так, около 200 млрд долл. США, принадлежащие МИЧМ, до сих пор практически не использовались. Не востребована значительная часть ресурсов ЕСМ, а только 141,4 млрд евро, или 17,1% от его потенциальных активов¹².

Третьим элементом методологии оценки эффективности деятельности МФИ выступает критерий простоты и необремененности процедуры выделения необходимых ресурсов для купирования финансовых шоков в МВФС и решения краткосрочных проблем с платежным балансом у нуждающихся стран. Очевидно, что данный критерий применим лишь к институтам 1-го и 3-го типов, поскольку МФИ 2-го типа финансовыми ресурсами не обладают и лишены рычага регулирования, базирующегося на их выделении и контроле за использованием.

По нашему мнению, с точки зрения предложенного критерия уязвимы позиции как МФИ 1-го, так и 3-го типов.

Основная проблема выделения необходимых ресурсов со стороны МВФ — длительность и сложность процесса принятия решений, что сопровождается бюрократической процедурой оценки потребностей

⁹ URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2021/eng/downloads/2021-financial-statements.pdf>

¹⁰ Расчеты автора по BIS Quarterly Review, March, 2023. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2303.htm

¹¹ Расчеты автора по: Balance of Payments. URL: <https://data.imf.org/>

¹² Расчеты автора по: ESM Annual Report 2021. URL: <https://www.esm.europa.eu/publications/annual-report-2021>

страны-заемщика в ресурсах, степени ее прогресса в области рыночных реформ и др. Причем часть критериев выделения ресурсов МВФ имеет непрозрачный характер.

Ангажированность предоставления ресурсов МВФ подтверждается увеличением доли кредитов Фонда, направляемых не развивающимся, а развитым странам. Например, МВФ был принят ряд одиозных решений о предоставлении крупных кредитов европейским государствам: Греции (30 млрд евро), Португалии (30 млрд долл. США) и Ирландии (25 млрд долл. США), размер которых кратно превысил допустимые стандартные лимиты Фонда на получение финансовой помощи¹³. Причем столь масштабное финансирование связывалось не со стабилизацией платежного баланса стран-заемщиков, а с фондированием вывода из этих стран частных капиталов [13]. Наиболее рельефно политическая ангажированность проявилась в беспрецедентном по масштабам финансировании Украины без обоснования соответствия таких кредитов уставным целям МВФ¹⁴. В научных исследованиях отмечается связь решений о выделении ресурсов МВФ с голосованием стран-претендентов за США на Генеральной ассамблее ООН [14], и то, что 5 стран — крупнейших владельцев квот — имеют полный контроль за предоставлением кредитов [15].

МФИ 3-го типа с точки зрения выделения финансовых ресурсов на локализацию кризисов МВФС и купирование очагов финансовой нестабильности также не обладают достаточной оперативностью и простотой.

Так, доступ к кредитам РФМ обуславливается достаточно жесткими критериями отбора заемщиков и часто имеет непрозрачный характер. Ряд РФМ выдвигают даже более жесткие, чем МВФ, критерии для получения ресурсов: например, в ПВМ БРИКС, ЕСМ, МИЧМ увязывают доступ к кредитам с действующими программами финансирования МВФ и предполагают наличие поддерживаемой МВФ кредитной программы и соблюдение условий Фонда¹⁵. Кроме того, ресурсы РФМ распре-

делены крайне неравномерно (большая их часть сосредоточена в Европе и Азии), что не позволяет воспользоваться ими большинству нуждающихся в развивающихся странах.

Как правило, ресурсы РФМ «разблокировать» сложнее, чем кредиты Фонда. Задержки с выделением финансирования происходят из-за сложных и долгих переговоров между РФМ и странами-заемщиками, а также вследствие необходимости мобилизации дополнительного финансирования из подписного капитала. Кроме того, задержки в удовлетворении запроса на кредитование в РФМ могут быть обусловлены необходимостью увязки суммы кредита с участием страны в кредитных программах МВФ.

В качестве *четвертого критерия* оценки эффективности деятельности МФИ мы предлагаем анализ соответствия целей деятельности МФИ раскладу сил в мировой экономике и степени вовлеченности МФИ в реализацию интересов глобальной элиты.

Процессы, происходящие в мировой экономике, не всегда находят релевантное отражение в деятельности МФИ 1-го и 2-го типов, находящихся под сильным влиянием глобальных элит. Во многом данная тенденция объясняется историческим доминированием представителей развитых стран в руководящих органах МФИ 1-го и 2-го типов и негибкостью механизма пересмотра представительства в них стран, усиливающих свои позиции в глобальном экономическом ландшафте. В результате «тектонические» изменения, происходящие в структуре глобального производства и торговли, не влияют на процедуру принятия ключевых решений МФИ либо представительство набирающих силу стран корректируется со значительным временным лагом.

Так, несмотря на то, что доля развивающихся стран в мировом ВВП (по ППС) стала преобладать еще десятилетие назад и на доминирование их авуаров в структуре международных резервов, формирующиеся рынки до сих пор играют второстепенную роль в органах глобального регулирования — МФИ 1-го типа. Крайне незначительно присутствие развивающихся стран в работе профильных «стандартообразующих» институтов 2-го типа, где большинство экспертов по-прежнему представляют интересы развитых стран. Наконец, ограничено влияние развивающихся стран на принятие решений в рамках Базельского процесса.

В то же время усиление позиций развивающихся стран в мировой экономике находит хотя и спонтан-

¹³ В случае Греции сумма предоставленного кредита составила беспрецедентные 3200% квоты против стандартного лимита в 600%.

¹⁴ Quarterly report on IMF finances. January 31, 2022. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Data/IMF-Finance/Quarterly-Financial-Statements/2022/013122.ashx>

¹⁵ В ПВМ БРИКС и МИЧМ участие в программах Фонда требуется для финансирования в сумме более 30% максимального странового лимита; оценка кредитоспособности должников ЕСМ также увязывается с участием в программах МВФ.

ное, но более адекватное отражение в деятельности МФИ 3-го типа. Невзирая на то, что деятельность РФМ, СФБ и институтов развития локализована на уровне отдельных регионов и государств, их решения по объемам предоставленных ресурсов для антикризисной помощи и развития в большей степени отражают изменения в раскладе сил в глобальной экономической системе. По-видимому, усиление позиций МФИ 3-го типа в последующем будет сказываться и на институтах 1-го и 2-го типов.

Полагаем, что динамика процессов, происходящих в МФИ 1-го, 2-го и 3-го типов, во многом отражает диалектику единства и борьбы противоположностей, в которой новый центр притяжения — МФИ 3-го типа — постепенно усиливают регуляторные полномочия и финансовое доминирование в глобальном пространстве и начинают конкурировать с МФИ 1-го типа. Проявлением данных тенденций стало не только усиление позиций «Группы 20» — коллективного совещательного органа, призванного на основе консенсуса формировать решения по ключевым глобальным проблемам с привлечением мнения крупнейших развивающихся стран, но и амбиции МФИ 3-го типа, реализуемые в рамках трансграничных финансовых операций.

Например, ресурсы АБИИ активно привлекаются для продвижения инициативы КНР «Один пояс — один путь», в том числе в форме предоставления кредитов нуждающимся странам Африки, Азии и Латинской Америки. Более того, часто за счет ресурсов китайских кредиторов осуществляется рефинансирование кредитов, выделенных МФИ 1-го типа — МВФ и ГВБ.

В качестве *пятого критерия* оценки эффективности деятельности МФИ предлагается анализ степени взаимного проникновения и влияния институтов 1-го, 2-го и 3-го типов друг на друга с точки зрения обеспечения финансовой стабильности.

МФИ 1-го типа, обладая набором широких международных правовых компетенций, играют ключевую роль в глобальном регулировании, что выражается в попытках установления контроля над другими МФИ. Такие попытки выражены, в частности, в стремлении создать стандарты управления СФБ (Сантьягские принципы)¹⁶. Причем контроль со стороны МФИ 1-го типа распространяется не только на область надзора за СФБ, но и на попытки навязать ей стандарты управления активами фондов, а также исключить средства СФБ из процесса

самостоятельного проведения инвестиционной политики государств.

Активно развивается и сотрудничество с РФМ, — это касается участия представителей Фонда в органах управления РФМ, оценки заемщиков по собственным критериям, а также создания совместных пакетов финансовой помощи¹⁷. Кроме того, МФИ 1-го типа вторгаются в деятельность РФМ, включая их в глобальные страховочные сети, добиваясь подчинения определенным правилам поведения и надзирая за ними.

С точки зрения обеспечения финансовой стабильности такая деятельность институтов 1-го типа, с одной стороны, обеспечивает известную координацию усилий различных МФИ в целях кумулятивного воздействия на финансовую стабильность МВФС, а с другой стороны, ее не следует рассматривать изолированно от интересов глобальных элит, оказывающих через данные институты давление на деятельность институтов 3-го типа.

Усиливается и обратная связь — влияние МФИ 3-го типа на МФИ 1-го и 2-го типов. В частности, возрастающие позиции РФМ фактически выводят региональные финансовые системы из зоны надзора и регулирования со стороны МФИ 1-го типа, что наряду с имеющимися в их распоряжении ресурсами нивелирует регуляторные полномочия МФИ 1-го типа, в первую очередь в странах и регионах, обладающих достаточными финансовыми ресурсами, и создает предпосылки для фрагментации единого глобального регуляторного поля.

При этом, несмотря на то, что МФИ 1-го типа, с учетом усилившихся позиций региональных страховочных сетей, стремятся к смягчению действующих подходов к регулированию, РФМ и СФБ пока не могут оказывать значимого воздействия на их решения.

Таким образом, с точки зрения данного критерия, эффективность влияния МФИ как 1-го, так и 3-го типов на финансовую стабильность следует рассматривать как недостаточную. Причем, если в части МФИ 1-го типа недостаток эффективности обусловлен вовлеченностью в орбиту интересов глобальных элит, то с точки зрения МФИ 3-го типа он связан с относительной слабостью регуляторных компетенций.

¹⁷ Collaboration Between Regional Financing Arrangements and the IMF. IMF Policy Paper. 31 July 2017. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2017/07/31/pp073117-collaboration-between-regional-financing-arrangements-and-the-imf>

¹⁶ URL: <http://www.iwg-swf.org/pubs/gapplist.htm>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Купреев С. С. К вопросу о юридической природе международных финансовых организаций. *Международное публичное и частное право*. 2008;(1):6–9.
2. Нешатаева Т. Н. Международные организации и право: Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело; 1998. 272 с.
3. Шумилов В. М., Гудков И. В., Мауленов К. С., Шумилов Ю. В. Международное экономическое право. М.: Юрайт; 2019. 545 с.
4. Моисеев А. А. Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности). М.: Омега-Л; 2003. 296 с.
5. Brummer C. Why soft law dominates international finance — and not trade. *Journal of International Economic Law*. 2010;13(3):623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026
6. Yeyati E. L., Micco A., Panizza U. Should the government be in the banking business? The role of state-owned and development banks. Inter-American Development Bank Working Paper. 2004(517). URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/88042/1/idb-wp_517.pdf
7. Сазонова Е. С. Институты развития как инструмент государственной инвестиционной политики: общая характеристика и особенности правового регулирования. *Предпринимательское право*. 2013;(4):51–55.
8. Спивачевский П. М. Банки развития и их роль в формировании единого евразийского экономического пространства. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГУЭФ; 2012. 17 с.
9. Навой А. В. Современная региональная экономическая интеграция: основные тренды и противоречия. *Деньги и кредит*. 2017;(4):35–42.
10. Навой А. В. Центральный банк в глобальном хозяйстве. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова; 2010. 528 с.
11. Навой А. В. Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов. *Финансовый журнал*. 2022;14(6):111–123. DOI: 10.31107/2075–1990–2022–6–111–123
12. Carreau D. Why not merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). *Fordham Law Review*. 1994;62(7):1989–2000. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144222975.pdf>
13. Weiss M. A. The International Monetary Fund. Congressional Research Service. 2018. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42019.pdf> (accessed on 22.08.2023).
14. Dreher A., Jensen N. M. Independent actor or agent? An empirical analysis of the impact of U.S. interests on International Monetary Fund conditions. *The Journal of Law & Economics*. 2007;50(1):105–124. DOI: 10.1086/508311
15. Copelovitch M. S. Master or servant? Common agency and the political economy of IMF lending. *International Studies Quarterly*. 2010;54(1):49–77. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2009.00577.x

REFERENCES

1. Kupreev S. S. On the issue of the legal nature of international financial organizations. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*. 2008;(1):6–9. (In Russ.).
2. Neshataeva T. N. International organizations and law: New trends in international legal regulation. Moscow: Delo; 1998. 272 p. (In Russ.).
3. Shumilov V. M., Gudkov I. V., Maulenov K. S., Shumilov Yu. V. International economic law. Moscow: Yurait; 2019. 545 p. (In Russ.).
4. Moiseev A. A. International financial organizations (legal aspects of activities). Moscow: Omega-L; 2003. 296 p. (In Russ.).

5. Brummer C. Why soft law dominates international finance — and not trade. *Journal of International Economic Law*. 2010;13(3):623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026
6. Yeyati E.L., Micco A., Panizza U. Should the government be in the banking business? The role of state-owned and development banks. Inter-American Development Bank Working Paper. 2004(517). URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/88042/1/idb-wp_517.pdf
7. Sazonova E.S. Institutes of development as an instrument of state investment policy: General characteristics and peculiarities of legal regulation. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*. 2013;(4):51–55. (In Russ.).
8. Spivachevskii P.M. Development banks and their role in the formation of a single Eurasian economic space. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2012. 17 p. (In Russ.).
9. Navoy A.V. Modern regional economic integration: Main trends and contradictions. *Den'gi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2017;(4):35–42. (In Russ.).
10. Navoy A.V. Central bank in the global economy. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2010. 528 p. (In Russ.).
11. Navoy A.V. The transformation of Russia's role in the global financial architecture in the context of geopolitical challenges. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(6):111–123. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2022–6–111–123
12. Carreau D. Why not merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). *Fordham Law Review*. 1994;62(7):1989–2000. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144222975.pdf>
13. Weiss M.A. The International Monetary Fund. Congressional Research Service. 2018. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42019.pdf> (accessed on 22.08.2023).
14. Dreher A., Jensen N.M. Independent actor or agent? An empirical analysis of the impact of U.S. interests on International Monetary Fund conditions. *The Journal of Law & Economics*. 2007;50(1):105–124. DOI: 10.1086/508311
15. Copelovitch M.S. Master or servant? Common agency and the political economy of IMF lending. *International Studies Quarterly*. 2010;54(1):49–77. DOI: 10.1111/j.1468–2478.2009.00577.x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Антон Викентьевич Навой — доктор экономических наук, доцент, заместитель начальника управления департамента статистики, Банк России, Москва, Россия; профессор департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет Москва, Россия

Anton V. Navoy — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Statistics, Bank of Russia, Moscow, Russia; Professor of Department of World Economy and Global Finance, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7058-4257>

Ant.navoy@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.09.2023; после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2023; revised on 10.10.2023 and accepted for publication on 30.10.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.